

СЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Какой язык самый сложный? Тот, на котором пишут иероглифами? Или тот, что труднее всего выучить? А может быть, рекордсмен по числу падежей? Ни один из этих ответов не устраивает лингвистов, и на то есть серьезные причины

Текст

Александр Пиперски

Иллюстрации

Виктор Богорад

Говорят, что самые простые вопросы – самые сложные. Казалось бы, простейший вопрос: «Какой язык сложнее всех?». Но ответить на него очень непросто. Трудно определить, что вообще такая сложность и как ее измерять.

ТАИНСТВЕННЫЕ ЗНАКИ

Когда речь заходит о сложных языках, русско-говорящие обычно вспоминают китайский, японский, корейский или арабский. Такой ответ легко объясним: это языки с непривычной нам письменностью. Фразы 我爱你 по-китайски, 愛してます по-японски, 사랑해요 по-корейски или أحبك по-арабски выглядят намного удивительнее, чем Szeretlek по-венгерски, Обичам те по-болгарски или Я тебя люблю по-русски, хотя все они значат одно и то же.

Однако система письма – это совсем не то же самое, что язык. В мире около 7000 языков, и по

меньшей мере половина из них не имеет письменности. Более того, выбор письменности зависит от культурных традиций и не связан напрямую с языком. Например, турецкий в 1920-е годы перешел с арабского письма на латиницу. А белорусские татары с XVII по XIX век писали по-белорусски арабскими буквами. Мао Цзэдун несколько раз говорил, что стоило бы перевести китайский язык на латинский алфавит, но ограничился только упрощением форм некоторых иероглифов. Получается, что на одном и том же языке можно писать самым разным письмом, и наоборот: одно и то же письмо может обслуживать множество языков.

МОЯ ТВОЯ ПОНИМАТЬ

А что же будет, если не обращать внимания на письменность? Окажется ли китайский на самом деле таким сложным? Возьмем два языка – исландский и китайский – и переведем на них три

русских предложений. Китайские слова запишем не только иероглифами, но и латинскими буквами, приблизительно передающими их звучание.

Русский	Исландский	Китайский
Я кусаю лошадь.	Ég bít hestinn.	我咬马。 Wǒ yǎo mǎ.
Ты кусаешь меня.	Þú bítur mig.	你咬我。 Nǐ yǎo wǒ.
Моя лошадь кусает тебя.	Hesturinn minn bítur þig.	我的马咬你。 Wǒ de mǎ yǎo nǐ.

Иероглифы с непривычки выглядят пугающе. Но те же китайские фразы, записанные латинскими буквами, удивительно просты. *Wǒ* – «я», *nǐ* – «ты», *mǎ* – «лошадь», *yǎo* – «кусать». Частица *de* образует притяжательные местоимения: *wǒ de* – «мой». Бросается в глаза, что «я» и «меня» передаются одинаково, между «ты» и «тебя» тоже нет разницы. Это потому, что в китайском языке местоимения не склоняются. Глаголы тоже не спрягаются, поэтому «кусаю», «кусаешь» и «кусает» звучат одинаково. Слова не меняют своей формы, поэтому фразы можно собирать из них, как из кубиков: «Ты кусаешь меня» – это буквально «Ты кусать я».

А вот по-исландски все гораздо запутаннее. Глагол «кусать» выглядит как *bít* или *bítur* в зависимости от того, кто совершает действие. «Лошадь» изменяется по падежам: если кусает она, то это *hesturinn*, а если ее, то *hestinn*. Слова «я», «меня», «мой» не выводятся друг из друга – надо просто запомнить, что это *éг*, *mig* и *minn* соответственно.

Постараемся теперь беспристрастно взглянуть на русский язык. В трех простых фразах – целых три формы глагола и непредсказуемые местоимения. Хорошо еще, что в нашем примере не изменяется слово лошадь. Но мы-то знаем, что на самом деле у него много разных форм: лошади, лошадью, лошадей и так далее.

Оказывается, китайский язык – очень простой на фоне русского и исландского! Во всяком случае, пока речь о грамматике.

С другой стороны, в китайском языке есть тоны – движение голоса вверх или вниз, закрепленное за словами. В примере выше все слова, кроме служебного *de*, имеют тон, обозначенный значком ` . Это значит, что голос сперва идет вниз, а потом вверх. А если сказать не *yǎo*, а *yào* – с движением голоса просто вниз? Получится слово, которое значит не «кусать», а «надо». В русском и исландском языке такого нет, так что в этом отношении китайский все-таки сложен.

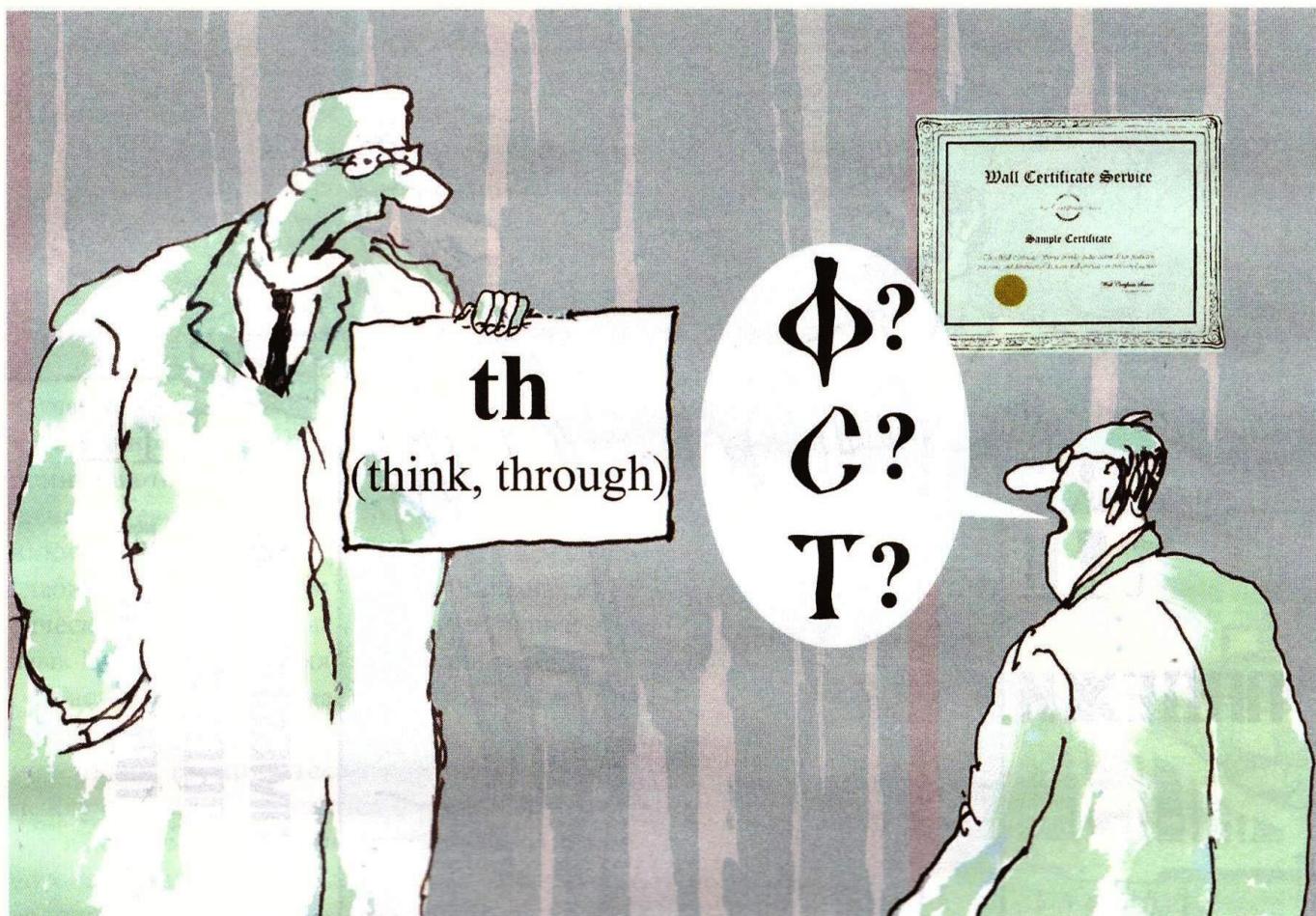
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАРСИАНИНА

Может быть, сложный язык – это язык, который труднее выучить? Но сразу же встает вопрос: кому именно труднее? Китайцу будет трудно выучить спряжение русских глаголов, но у поляка с этим не будет особых проблем. А китайские тоны с легкостью освоит вьетнамец, потому что во вьетнамском языке тонов даже больше.

Получается, что так мы измеряем не насколько язык сложен, а насколько он похож на наш родной язык. Если взять за точку отсчета русский, то самыми простыми окажутся славянские языки, а если китайский – то языки Юго-Восточной Азии.

Итак, нужна какая-то абстрактная мера сложности – с точки зрения машины или воображаемого инопланетянина, который прилетел на Землю и смотрит на земные языки незамутненным взглядом.

В 1990–е и 2000–е годы лингвисты пытались изображать такого инопланетянина и составлять рейтинги сложности, но постепенно осознали бессмысличество этой затеи. Дело в том, что все

эти рейтинги получаются произвольными. Кто-то скажет, что тоны – это очень сложно, и придаст им особенно большой вес (и тогда китайский окажется высоко), а кто-то будет в первую очередь учитывать количество склонений (и тогда китайский окажется низко: существительные там не склоняются). Поэтому вы не найдете в этой статье красивой инфографики «топ-10 самых сложных языков мира»: лингвистика просто не умеет надежно составлять такие списки.

СЛОЖНОСТЬ – ЭТО РАЗНООБРАЗИЕ?
Единственное, что лингвисты действительно умеют измерять – это разнообразие тех или иных элементов языка. Например, в базе данных Phoible собраны сведения о фонетике языков мира – какие в них есть звуки и тоны. Для всех языков можно посмотреть, сколько в них есть согласных, гласных и тонов. Рекордсмены получаются такие:

- согласные: 130 – восточный къхонг (Ботсвана и Намибия, менее 2500 говорящих)
- гласные: 50 – тхавынгский язык (Лаос и Таиланд, 700 человек), эльвальский диалект шведского языка (2400 говорящих)

● тоны: 10 – бафут (Камерун, 100 тыс. говорящих), були (Гана, 170 тыс. говорящих).

На языках-рекордсменах говорит лишь горстка людей, и это не случайно. Оказывается, разнообразие элементов особенно характерно для небольших языков, на которых говорят замкнутые сообщества. А вот крупные языки, которые используются для межнационального общения, например, английский, китайский или суахили, обычно куда однообразнее.

Все дело в том, что очень многие люди учат их уже во взрослом возрасте и передают следующим поколениям, не освоив все тонкости идеально. Это касается и звуков, и грамматики. Представьте себе взрослого человека, который эмигрирует в США и постепенно осваивает там английский. Вполне возможно, что он так и не научится правильно произносить звук *th* в словах *think*, *through* и так далее. В русском языке такого звука нет, так что наши соотечественники часто произносят вместо него что-то вроде «ф», «с» или «т». Эта ошибка не так уж мешает общению, так что многие предпочитают смириться с ней, а не тренироваться зажимать язык между зубами. Дети нашего эмигранта

воспримут его произношение как совсем обычное и могут даже перенять его. Возможно, наш герой узнает, что в английском языке есть глагол *tread* «наступать». Но с большой вероятностью он не услышит или не запомнит его прошедшее время – *trod* – и будет говорить *treaded*. Такую форму и усвают его дети, уже свободно говорящие по-английски. Когда таких детей много, разнообразие форм глагола уменьшается. Таких проблем не возникает, если язык осваивается только как родной в детском возрасте. Дети легко осваивают любые исключения, и они с веками накапливаются и делают язык разнообразным, сложным.

Русский язык – тоже большой язык межнационального общения, поэтому и в нем есть следы

упрощения. Во всех славянских языках, где есть специальная форма предложного падежа, в этой форме происходит чередование согласных:польское *noga* – *na nodze* «на ноге», сербское *noga* – *na nози*. И только в русском *г* не чередуется с з-образным звуком: мы говорим *nога* – *на ноге*, а не *nога* – *на нозе*. По-древнерусски *з* все еще было, но по мере расселения его носителей исчезло.

Иногда, впрочем, трудно понять, где сложность, а где простота, даже если мы посчитаем разнообразие элементов. Табасаранский язык, на котором говорят в Дагестане около 125 тыс. человек, – рекордсмен мира по количеству падежей: их в нем 46. Но если присмотреться к этим падежам, окажется, что 42 из них – пространственные. Они обозначают, где находится предмет, а также откуда и куда он движется.

По-русски эти же значения выражаются не-предсказуемыми сочетаниями падежей и предлогов. Почему «под стол» мы лезем в винительном падеже, а «к столу» идем в дательном? Смысл-то один и тот же: мы перемещаемся в некоторое пространство. Мало того, «за столом» и «под столом» мы сидим в творительном падеже, «у стола» – в ро-

ТАБАСАРАНСКИЙ ЯЗЫК – РЕКОРДСМЕН МИРА ПО КОЛИЧЕСТВУ ПАДЕЖЕЙ: ИХ В НЕМ 46

дительном, а «на столе» – в предложном. Никакой системы не просматривается, надо просто запоминать комбинации падежей и предлогов для каждого случая. Действительно ли это проще, чем выучить 42 табасаранских пространственных падежа?

ТОСКА ПО ВЕЛИЧИЮ

Разнообразие форм, обилие исключений и тонкостей – это хорошо или плохо? Это вопрос не столько к лингвистам, сколько к обществу. Дело науки изучать языки, а не делить их на хорошие и плохие.

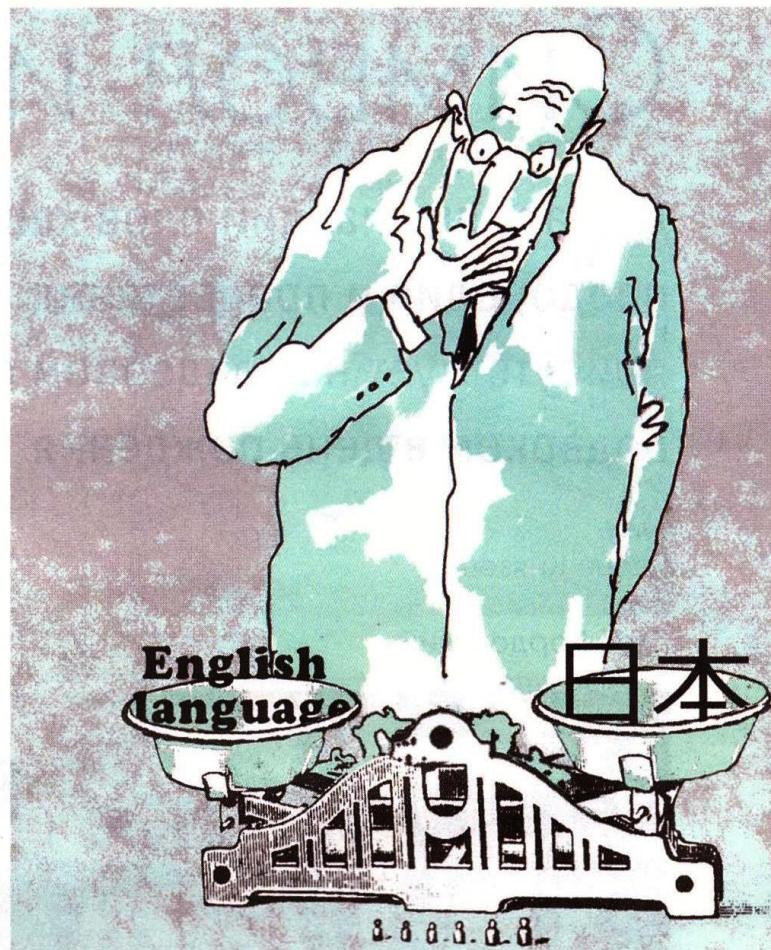
Обычно как «хорошие», «классические» воспринимаются языки, на которых написаны священные тексты, философские трактаты, памятники мировой литературы. Расцвет культуры снабжает нас образцами языка. Например, классическая латынь – это язык I века до нашей эры, язык Цицерона, Горация и Вергилия.

Расцвет культуры часто приходится на пик политического могущества. Носители языка из маленькой группы, тесно контактировавшей между собой, превращаются в глобальную силу. Так язык немногочисленных латинов, занимавших небольшой уголок Апеннинского полуострова, охватил все Средиземноморье и стал средством общения для множества народов.

Это, как мы помним, снижает разнообразие языка. Латинский язык, до того накапливавший грамматическую сложность, во времена Римской империи стал ее терять. Например, в латинском языке у существительных было шесть падежей. А в его потомках – французском, итальянском, испанском – их нет вообще. Если принять классическую латынь за образец языка, получается, что упрощение грамматики – это ухудшение. Однако это странная логика. Возможно, язык Бальзака проще языка Цицерона. Но значит ли это, что он хуже?

РОСКОШЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Вообще-то на любом языке можно выразить любую, сколько угодно сложную и глубокую мысль. Можно возразить, что есть языки, на которых нельзя поговорить о математике, философии, да и просто повседневной жизни горожанина. Было бы трудно перевести на какой-нибудь из языков коренного населения Америки фразу «Редактор журнала процитировал корректору абзац текста». В этих языках просто нет нужных слов. Но

ведь и в русском варианте этой фразы абсолютно все слова – заимствованные. Скажем ли мы на этом основании, что русский язык не подходит для журналистики? Кстати, в европейских языках тоже не хватало слов для описания индейского быта. Так в Европу из Америки пришли «вигвам», «припорга», «тотем», «мокасины», «томагавк». А если бы европейцы глубже интересовались этим бытом, им пришлось бы освоить куда больше подобных слов. В общем, языки существуют не в вакууме и легко перенимают друг у друга недостающие слова, как только они понадобятся.

Получается, что оценить сложность языка очень сложно или даже невозможно. Приходится сравнивать отдельные стороны языков: фонетику, грамматику и так далее. Единый рейтинг, даже если он возможен, – дело будущего. А пока такого рейтинга нет, проще считать, что во всех языках есть что-то сложное и что-то простое и что эти элементы уравновешивают друг друга. Ведь главная задача любого языка – это позволять людям общаться между собой. А с этой задачей справляются и китайский, и тхавынгский, и табасаранский, и русский, и все прочие языки. ☺